

УДК 93

**Англоязычная историография «сталинского террора»
(Дискуссии второй половины XX века)**

Вячеслав Иванович Меньковский

Белорусский государственный университет, Беларусь
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье проанализирован ход и результаты научных дискуссий в англоязычной историографии второй половины XX века по вопросу о «сталинском терроре» 1930-х гг. Определены методологические аспекты различных подходов к оценке масштабов политических репрессий в Советском Союзе. В условиях закрытости советской статистики - англо-американские авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях. Также учитывалось количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы.

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии. Это было связано с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических данных в советской печати, более широким применением в советологии моделей, используемых другими социальными науками.

Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, но не окончательные, возможности для оценки. Советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Однако данные о сверхнормативных потерях советского населения в 1926-1939 гг. продолжают колебаться в западной научной литературе от 5 млн до 20 млн чел. Таким образом можно сделать вывод о незавершенности процесса научной оценки репрессивной деятельности советского государства.

Ключевые слова: историография; советология; террор; СССР; Сталин; 1930-е гг.; политические репрессии.

Введение. В последние годы появился целый ряд исторических и историографических работ, в которых делается попытка подвести определенные итоги изучения сталинского периода советской истории. Хотелось бы обратить внимание на исследования Дж. Кипа и А. Литвина [1], С. Кропачева и Е. Кринко [2], В. Меньковского, К. Уль и М. Шабасовой [3]. Объектом исследования авторов из Великобритании, Беларуси, Германии, России стало осмысление советской истории в классической и современной историографии, изучение накопления исторических знаний, методологии истолкования исторических явлений, смены и развития парадигм в исторической науке.

Изучение истории XX века немыслимо без тщательного исследования основных политических, экономических и социокультурных составляющих советской системы, оценки уникальности «сталинского» Советского Союза в ряду других государств мира. В 1930-е годы советская модель цивилизации обрела свои определяющие черты, в основном сохранившиеся на всем протяжении советской истории и без кардинальных изменений перенесенные в практику «социалистического строительства» в целом ряде государств. В этой связи объективный анализ исторического опыта СССР годов приобретает общегосударственное значение.

При анализе историографических тенденций, связанных с изучением периода сталинизма, невозможно уйти от оценки такой важнейшей составляющей советской

истории, как государственный террор. Интеллектуальное объяснение сталинизма не было работой одного поколения. В статье сделана попытка осветить историю изучения советского государственного террора 1930-х гг. в классической (т.е. предшествующей этапу постмодерна) англоязычной историографии второй половины XX в.

Из всех инструментов, имеющихся в арсенале государства, террор является крайним средством, к которому оно прибегает тогда, когда все остальные исчерпаны. В определенном смысле террор во внутренней политике равнозначен войне во внешней: любое правительство предпочтет использовать более ограниченные или общепринятые средства для сохранения или укрепления своих позиций. Но сама способность режима прибегать к террору может позволить ему достигать намеченных целей без использования террора. Угроза произвольного насилия может быть такой же действенной, как его применение [4].

Вопрос о терроре имел три важнейшие составляющие: масштаб репрессий, количество жертв и их характеристика; функции террора, рациональные и иррациональные мотивы его использования; степень органичности и неизбежности террора в советской системе. Сложившаяся концептуальная характеристика роли политического террора в коммунистических системах определяла его как произвольное использование органами политической власти жесткого насилия против личностей или групп или реальную угрозу такого использования. При этом не всякое насилие оценивалось как террор, поскольку «обычные» насильственные средства оставляют жертвам возможность сориентироваться и предусмотреть последствия определенных действий. Террор не дает таких возможностей, не обеспечивая неприкосновенность даже для конформистов. Как писал З. Бжезинский, в условиях террора «неудача может означать потерю жизни, но даже успех не гарантирует свободу и безопасность» [5].

В соответствии с российским законодательством политическими репрессиями признаны различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

В справке, подготовленной в 1954 г. для Н. Хрущева Генеральным прокурором СССР В. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, указывалось, что за период 1921–1954 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания было приговорено 642 980 чел. [6].

В законе Российской Федерации от 23 мая 1995 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» отмечено, что за годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения по социальным, национальным и иным признакам [7]. Однако, по свидетельству А. Яковлева, возглавлявшего в 1988–1991 гг. «Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–40-х и начала 50-х гг.», а с декабря 1992 г. – «Комиссию при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий», «точных данных, которые бы основывались на документах, о масштабах всенациональной трагедии нет» [8].

Рассматривая террор как важную составляющую сталинской системы, англо-американские авторы анализировали различные его стороны, не всегда имея возможность дать общую количественную оценку влияния сталинизма на демографическую ситуацию в СССР. Первым серьезным исследованием вопроса о применении принудительного труда в Советском Союзе стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагерь принудительного труда в Советском Союзе», опубликованная в 1947 г. [9] Для оценки масштабов применения принудительного труда авторы использовали целый ряд источников: оценки бывших советских официальных лиц и заключенных, оказавшихся на Западе; свидетельства

иностранцев, посещавших Советский Союз, и польских заключенных советских лагерей; данные о количестве газет, поступавших в лагерь; опубликованные цифры о некоторых исправительно-трудовых лагерях.

В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчета численности заключенных в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключенных в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел. [10].

В 1952 г. был опубликован официальный доклад Госдепартамента США о принудительном труде в Советском Союзе [11]. В нем приводились данные Н. Тимашева, Д. Даллина и Б. Николаевского, Н. Ясного, ряда других исследователей. В докладе подчеркивалось, что точная цифра советских заключенных в лагерях ГУЛАГа не может быть названа из-за отсутствия официальных данных. Цифры оценок, приводимых различными экспертами, колеблются от 2 до 20 млн чел. [12]. Похожие цифры были повторены в докладе Госдепартамента в 1960 г., где отмечалось, что оценки западными исследователями количества заключенных в предвоенном СССР колеблются от 3,3 млн до 13,5 млн чел. и выше. Но последние цифры эксперты Госдепартамента считали явно завышенными [13].

В 1959 г. Г. Вул, используя методику Н. Тимашева, проанализировал участие советских граждан в выборах 1937–1939 гг. и оценил численность заключенных приблизительно в 3 млн чел. [14] В 1965 г. С. Сваниевич опубликовал работу «Принудительный труд и экономическое развитие: изучение опыта советской индустриализации», в которой на основании изучения советской экономической статистики и свидетельств беженцев из СССР оценил использование принудительного труда в советской экономике в 6–9 млн чел. [15]. В 1968 г. вышла в свет книга Р. Конквеста «Большой террор», где дана количественная оценка заключенных в лагерях, арестов, расстрелов. Автор использовал разнообразные доступные статистические источники, свидетельства эмигрантов и бывших заключенных. Он оценил численность арестованных в 1930-е гг. в 8–9 млн [16].

В 1980-е гг. дискуссия о масштабах применения принудительного труда в сталинском Советском Союзе, о количестве пострадавших вновь стала объектом внимания англо-американской историографии. Это было связано с появлением новых методик оценки, публикацией некоторых новых демографических данных в советской печати, более широким применением в советологии моделей, используемых другими социальными науками. Несколько авторов, среди которых в первую очередь следует назвать С. Росефелде, С. Уиткрофта, Р. Конквеста, вели между собой постоянную полемику на страницах научных журналов. Начатая статьей С. Росефелде в январском (1981 г.) номере журнала «Советские исследования» и ответом С. Уиткрофта в апрельском (1981 г.) номере того же издания [17] дискуссия шла в течение всех 1980-х гг., становясь все более острой, приобретая политическую и личностную окраску. Только после частичного открытия советских и российских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. появились принципиально новые, хотя, конечно, не окончательные, возможности для оценки острых моментов дискуссии.

В названной статье С. Росефелде писал, что хотя англо-американская литература о сталинском терроре достаточно обширна, численные оценки применения принудительного труда слишком фрагментарны и неточны. Поэтому он считал нужным вновь открыть дискуссии по этому вопросу. С. Росефелде использовал для количественной оценки доступный документальный материал, опубликованные источники, официальные публикации, свидетельства очевидцев и материалы экономической и демографической статистики. Его оценка численности заключенных ГУЛАГа составила 9–10 млн чел. С. Уиткрофту эти цифры представлялись завышенными. По его оценкам, в советских концентрационных лагерях в конце 1930-х гг. не могло находиться более 4–5 млн чел.

В публикации «Сверхнормативные смерти в Советском Союзе: пересмотр демографических последствий ускоренной индустриализации 1929–1949 гг.» С. Росефелде давал оценки, связанные с общими потерями населения СССР в сталинские годы [18]. Отметив, что данные о сверхнормативных потерях советского населения в 1926–1939 гг. колеблются в западной научной литературе от 5,5 млн до 20,6 млн чел., он пришел к еще более высоким цифрам. По подсчетам С. Росефелде, в СССР в результате коллективизации, индустриализации, массового террора в 1929–1949 гг. (без военных потерь) погибли 21,4–24,4 млн взрослых и 7,2–8 млн детей. В следующей публикации в журнале «Славянское

обозрение» он уточнил данные потерь населения в 1929–1937 гг., назвав цифру 16,5 млн чел. [19]

С. Уиткрофт назвал эти оценки «еще одной “клюквой” от С. Росефелде», отметив их абсолютную ненаучность. По его мнению, память о миллионах погибших в годы сталинизма «не следует подвергать инфляции», ведь нет никаких демографических свидетельств о потерях советского населения в 1926–1939 гг. более 6 млн чел. или более 3–4 млн чел. в период коллективизации. Признание этих «низких» цифр не равносильно предательству погибших или оправданию сталинизма. Это просто следование научной точности, а не эмоциям [20]. Точку зрения С. Уиткрофта поддержали также Б. Андерсен и Б. Силвер, оценившие ситуацию в Советском Союзе 1930-х гг. с позиций демографического анализа [21].

Однако подход Б. Андерсена, Б. Силвера и С. Уиткрофта был подвергнут резкой критике Р. Конквестом. Он не отстаивал оценок С. Росефелде, в которых находил много ошибок, но выступил против применения по отношению к сталинскому Советскому Союзу методик, используемых при изучении демографической ситуации в других странах и при других условиях.

Р. Конквест писал, что со времен Веббов некоторые западные исследователи принимали как правду все без исключения факты, цифры, заявления, опубликованные коммунистическими властями. И верили, что советская система выборов, профсоюзы, кооперативы реально существовали именно в той форме, как это декларировалось. Неспособность вообразить, что официальные документы могут лгать, сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, «ревизионисты» в англо-американской советологии отрицали возможность массовой фальсификации документов в Советском Союзе, а свидетельства эмигрантов и перебежчиков называли анекдотическими [22].

По мнению Р. Конквеста, проблема частично состояла в том, что некоторые ревизионисты (для их характеристики он употребляет термины «секта» и «клика») были по образованию социальными историками, а не историками в полном смысле этого слова. Их в большей степени интересовала структура, а не сущность, форма, а не содержание. Например, отмечая рост новых кадров в сталинские годы, они не подчеркивали критерии роста нового правящего класса, которые на практике сводились к жестокой «негативной селекции».

Р. Конквест настаивал на необходимости корректировки официальных советских данных с помощью свидетельств очевидцев и эмигрантов, поскольку советская демографическая статистика неоднократно подтасовывалась властью в политических целях. Кроме этого, он не считал, что для оценки сталинизма не имеет значения, сколько миллионов людей было уничтожено. Разница в моральной оценке убийства миллионов или десятков миллионов действительно не очень велика, но все-таки эта разница существует, и она имеет как историческую, так и общественную значимость [23]. В обновленном издании своей знаменитой работы «Большой террор» Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн чел., 1 млн чел. были расстреляны и 2 млн умерли в лагерях [24]. Он считал, что «большой террор» 1936–1938 гг. не был случайностью. Как всякий исторический феномен, террор имел корни в прошлом. У Р. Конквеста не вызывало сомнения, что он был неизбежным следствием природы советского общества и коммунистической партии [25].

Новая ситуация, связанная с количественной оценкой жертв сталинских репрессий, возникла в западной советологии на рубеже 1980–1990-х гг., когда советская «гласность» дала возможность впервые включить в научный оборот архивные статистические данные о репрессивной политике сталинского режима. Англо-американские историки стали широко использовать советские и российские публикации, производить переоценку некоторых устоявшихся на Западе стереотипов. Например, статьи А. Ноува и М. Элмана были полностью построены на основании публикаций советских ученых [26]. Но новые статистические данные сами по себе были достаточно противоречивы и оставляли место для различных трактовок. Так, в сборнике 1993 г. «Сталинский террор: новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн «сверхнормативных смертей» в СССР в 1927–1937 гг., а С. Уиткрофт – о 4–5 млн [27].

Дж. Гетти и Т. Риттешпорн в совместной публикации с В. Земсковым указывали данные о репрессированных в предвоенные годы. Максимальное общее количество (включая ГУЛАГ, колонии и спецпоселения) пришлось на 1937 г. – 2,75 млн чел. [28]. Авторы признавали, что приводимые ими цифры не могут рассматриваться как

окончательные и требуют ряда уточнений. Вместе с тем новые документы позволяли оценить масштабы сталинского террора и перевести его анализ на документальную базу. Дж. Гетти и Т. Риттешпорн даже считали, что историки, изучающие данный аспект сталинизма, стали располагать более детальной документальной базой, чем исследователи германского нацизма [29].

Российский соавтор Дж. Гетти и Т. Риттешпорна В. Земсков в русскоязычных публикациях давал чрезвычайно резкие оценки оппонентам своих коллег. Он считал, что советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Коэн и др.), так и в публикациях ряда советских исследователей. Причем в работах этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно в сторону многократного преувеличения. У него создавалось впечатление, что «они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней... Приведенные Р. Конквестом и С. Коэном статистические данные преувеличены почти в пять раз» [30].

В полемике с С. Максудовым, автором многих публикаций о демографической ситуации в Советском Союзе, вышедших в годы эмиграции исследователя на Западе [31], В. Земсков заявлял, что «г-ну Максудову придется смириться с ролью Земскова как арбитра в определении подлинности или недостоверности, точности или неточности информации по данной проблематике, просочившейся в разное время на Запад». Более того, он прямо обвинил западных историков в отходе от научной объективности, утверждая, что ученые (особенно те, кто занимался проблемой репрессий в СССР), находясь в определенных общественных условиях, не могли не выполнять социальный заказ, требовавшийся в данный момент обществу (хотя сами исследователи, возможно, не всегда это осознавали). По его мнению, не случайно именно в период «холодной войны» на Западе широким потоком выходила литература, содержащая преувеличенные данные о масштабах репрессий в СССР [32].

В. Земсков был близок к позиции американских ревизионистов «второй волны» в деперсонализации террора 1930-х гг. Как Дж. Гетти, Р. Терстон и некоторые другие англо-американские советологи, он переключал внимание с личностей на тенденции. В статье «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)» В. Земсков писал, что «в процессе отхода в середине 50-х годов от репрессивной политики личностный фактор играл подсобную роль, так как обстоятельства были сильнее воли и желания отдельных личностей. Мы убеждены, что будь тогда жив Сталин, то именно он возглавил бы политику либерализации» [33].

Противоречивые оценки в академической среде вызвал сборник «Сталинский террор: Новые перспективы», опубликованный под редакцией Дж. Гетти и Р. Мэннинг в 1993 г. [34]. Авторы стремились использовать появившиеся новые возможности изучения сталинизма и поэтому писали о «новых перспективах». Однако с точки зрения Ф. Бенвенути, общей чертой всех статей, представленных в сборнике, являлась замена вопроса о причинах террора постановкой проблемы о том, каким образом действовал механизм террора [35]. Подобные взгляды поддерживал и Д. Филтцер, отмечавший, что в книге не анализируется важнейший вопрос о месте террора в сталинской системе, его принципиальной важности для сохранения и укрепления сталинской системы власти. Вопрос нельзя было сводить к социальной мобильности и перераспределению привилегий. Террор оказывал воздействие на все население, подавляя его волю, возможность свободно мыслить и действовать и тем самым позволяя правящей элите сохранять власть [36].

Далеко не все англо-американские исследователи полностью доверяли архивным данным, подчеркивая, что последствия политической манипуляции советской статистикой не могли не сказаться на архивных документах. Они не считали документы фетишем и настаивали на их критическом анализе, какому должны подвергаться все исторические свидетельства. Так, Р. Конквест считал, что именно некритичное отношение к советским источникам привело «ревизионистов» к переоценке сталинского террора как в количественном, так и в качественном отношении. Демографы Б. Андерсен и Б. Силвер использовали в своих подсчетах результаты советской переписи населения 1939 г. даже тогда, когда советские исследователи признали эту перепись фальсифицированной. Р. Конквест писал, что он помнит, как в 1970-е гг. С. Коэн сказал ему на встрече в Колумбийском университете, что кое-кто из советологов считает, что Сталин уничтожил только десять тысяч

человек. «Я не поверил. Тогда Стивен подвел меня к Дж. Хафу и спросил у него: “Джерри, сколько людей уничтожил Сталин?”. Хаф ответил: “Около десяти тысяч”» [37].

Далее Р. Конквест замечал, что Дж. Хаф был одним из влиятельных предшественников советологов-ревизионистов, которые относились к представителям старшего поколения исследователей, как к «воинам холодной войны». «А в СССР нас называли антисоветчиками. В чем же состоял наш антисоветизм? Мы были убеждены, что сталинизм навязал русскому и другим народам крайнюю систему террора. Мы верили, что это был ошибочный путь, а не нормальный исторический процесс. Мы были убеждены, что Сталин и его наследники вели “холодную войну” не только против Запада, но и против собственного народа. Мы были убеждены, что советские официальные документы были фальсифицированы и что самиздат, сообщения эмигрантов и перебежчиков являлись, при критическом отношении к ним, лучшими источниками информации» [38].

С. Уиткрофт писал по этому поводу, что некоторые исследователи, например В. Лакер и Р. Конквест, кажется, верят в то, что должностные лица НКВД и ГУЛАГа не нуждались в реальной информации и специально фальсифицировали данные, чтобы ввести в заблуждение западных историков. Он указывал на наличие значительного массива секретных документов сталинского периода, введенных в научный оборот в 1990-е гг., и отрицал техническую возможность их умышленной фальсификации [39].

В публикациях второй половины 1990-х гг. авторы повторяли приводимую ими ранее аргументацию и лишь в небольшой степени изменяли приводимые количественные оценки. С. Росефелде в 1996–1997 гг. вновь подчеркивал, что демографические методы дают более точные данные, чем архивные данные, и называл цифру 9,7 млн «сверхнормативных смертей» в 1930–1937 гг., из которых не менее 5,2 млн были напрямую связаны с деятельностью НКВД [40]. С. Уиткрофт, призвав историков дифференцированно относиться к массовым репрессиям и к массовым убийствам, писал в 1996–1999 гг., что на Сталина может быть возложена ответственность за гибель около 1 млн чел. [41].

Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом [42], или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем [43], представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась.

В таких условиях появились работы, авторы которых ставили под сомнение влияние террора на повседневную жизнь советского общества 1930-х гг. Наиболее резкую реакцию в англо-американском академическом мире вызвала книга Р. Терстона «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941» [44], которую Дж. Лаубер назвал «выдающимся образцом ревизионистского исследования» [45]. К. Ботерблоем подчеркивал, что в определенной степени работы ревизионистов стали полезным дополнением к пониманию истории Советского Союза. Но некоторые исследователи переходили разумные границы в своем стремлении ревизовать сложившиеся научные представления. Р. Терстон стремился представить сталинский Советский Союз в более благоприятном свете, чем традиционная западная историография. Результат получился противоположным. В его интерпретации советские люди предстали опасным большинством, которое само создало для себя катастрофу, а Сталин лишь со стороны наблюдал за этим процессом. К. Ботерблоем соглашался, что на многих советских гражданах лежит моральная ответственность за молчание, а на многих и прямая вина за участие в насилии. Но Р. Терстон забывал, что в условиях диктатуры поддержка большинства населения не требуется власти. Советская история показала, что организованное меньшинство способно навязывать свою волю большинству в течение длительного времени [46].

Р. Терстон, так же, как и Дж. Гетти, считал, что численность репрессированных преувеличивались в предшествующей англо-американской историографии. Однако в своей ревизии устоявшейся концепции он пошел еще дальше, заявив, что общее влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным. Основной тезис Р. Терстона заключался в том, что массового страха перед репрессиями в 1930-е гг. в Советском Союзе не было. Террор касался только отдельных представителей элиты и не представлял собой системы, направленной на все общество. С точки зрения Р. Терстона, ни о какой «атомизации» общества, подавлении общества государством не может быть и речи, поскольку общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Он писал,

что в сталинские годы были миллионы жертв, хотя последние свидетельства советских архивов показывают, что многие ортодоксальные оценки слишком преувеличены. Но говорить о том, что весь народ был жертвой репрессий, было бы неправильно. В 1930-е гг. очень многие люди поддерживали государственное насилие и даже участвовали в нем по собственному желанию. Сталин в такой же степени реагировал на события, как и формировал их. Сталину не нужен был массовый страх для того, чтобы управлять обществом [47].

Отношение Р. Терстона к новым архивным свидетельствам было чрезвычайно избирательным. Так, невзирая на многие реабилитационные документы, он считал, что оппозиция представляла огромную опасность для Сталина. «Троцкистская оппозиция действительно существовала в СССР; Бухарин знал о существовании антисталинского центра; по крайней мере, один из последователей Бухарина говорил об убийстве Сталина; немцы предоставили информацию о виновности Тухачевского и заговоре в армии... Сталинский террор был реакцией на эти свидетельства, а не кампанией против нации» [48].

Р. Терстон также с большой осторожностью, если не с недоверием, относился к мемуарной литературе, как к появившейся в Советском Союзе в годы «гласности», так и ранее опубликованной на Западе. Его оппонент, Д. Бурбанк, соглашалась с тем, что при использовании мемуаров нужна осторожность, но отмечала, что для того чтобы понять сталинское время, проанализировать жизнь людей этого периода, необходимо использовать появившиеся мемуары и свидетельства современников [49].

Большое количество людей, в той или иной степени пострадавших в 1930-е гг., Р. Терстон объяснял необходимостью борьбы с криминальными элементами. При этом он не вспоминал ни специфику советского законодательства этого времени, ни отсутствие самостоятельности судебной системы, ни квоты на репрессированных, которые определялись центром для местных органов. НКВД, с его точки зрения, не являлся репрессивным органом. «Полиция» была частью общества, между ней, Сталиным и обществом в целом существовали прочные связи [50]. Интересно отметить, что автор признавал, что иногда НКВД «фабриковал дела». Но тут же заявлял, что это была лишь собственная инициатива НКВД, а не указание Сталина [51].

Выводы, к которым пришел Р. Терстон, не могли не вызвать острую реакцию многих англо-американских исследователей. Важнейшие авторские положения заключались в том, система сталинского террора в том виде, в котором она описывалась предшествующими поколениями исследователей, никогда не существовала. Сталин не планировал террор. Террор коснулся меньшинства населения, насилие применялось только по отношению к элите. «Многие советские граждане в 1930-е гг. узнавали о терроре только из газет или выступлений руководителей» [52]. Большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни.

Похожую точку зрения излагала и С. Дэвис в работе «Общественное мнение в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941». Она считала, что террор, поглотивший СССР во второй половине 1930-х гг., представлял собой серии как планировавшихся, так и хаотичных событий. Уязвимость была выше среди высокопоставленных слоев, а обычные рабочие и крестьяне в относительной степени пострадали меньше. Террор был частью популистской стратегии, направленной на мобилизацию подчиненных против тех, кто занимал ответственные посты, тем самым отводя недовольство от верхушки режима. С. Дэвис пришла к выводу: стратегия принесла определенный успех [53]. Террор против тех, кто воспринимался многими как новая элита, получил позитивный отклик на фабриках и в колхозах, поскольку соответствовал чувствам масс о «нас» (народе) и «них» (тех, кто у власти).

Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание [54].

Очень жесткую оценку работе Р. Терстона дала Ш. Фицпатрик. Она отмечала, что в конце 1970-х и на протяжении 1980-х гг. молодые социальные историки — ревизионисты, бросившие вызов тоталитарной модели и пережиткам «холодной войны» в советологии, были в центре столкновения мнений. Критики обвиняли их в том, что они пытались обелить советский режим и минимизировать его жестокость. В целом это были несправедливые обвинения. Однако по отношению к книге Р. Терстона они заслуживают внимания.

Он утверждает, что террор не был так страшен, как его обычно представляют, что он не затронул большинства советских людей, которые были вполне удовлетворены своей жизнью. Создается впечатление, что Р. Терстон настолько хотел представить сталинские годы в позитивном свете, что все факты он интерпретирует только в одном, заранее заданном направлении [55].

Ч. Фаирбанкс справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась неспособна четко сформулировать эту правду [56]. Добавим лишь, что правду оказались неспособны сформулировать и советские (постсоветские) официальные власти.

Примечания:

1. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 328 с.
2. Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
3. Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Англоязычная историография советской истории 1930-х гг. Сыктывкар, 2012 (готовится к печати).
4. Dallin A., Breslauer G. *Political Terror in Communist Systems*. Stanford, 1970. P. 4.
5. Brzezinski Z. *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge, 1956. P. 1.
6. Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // *История СССР*. 1991. № 5. С. 152–153.
7. <http://www.ist.ru/LIB031/z06154.htm>
8. Яковлев А. Омут памяти. М., 2000. С. 432.
9. Dallin D., Nikolaevsky B. *Forced Labour in Soviet Russia*. New Haven, 1947.
10. Timasheff N. *The Postwar Population of the Soviet Union* // *The American Journal of Sociology*. 1948. V. 54. P.150.
11. US State Department. *A Red Paper on Forced Labour*. Washington, 1952. Книга была также опубликована под названием *Forced Labour in the Soviet Union*. Washington, 1952.
12. US State Department. *A Red Paper on Forced Labour*. Washington, 1952. P. 4.
13. NARS, Dept of State Bureau of Intelligence and Research. Report № 8353. *Current Penal Policy in the USSR*. 1960. October 3. P. 2.
14. Wool A. *Working Memorandum on Statistics of Population, Labour Force and Employment in the Soviet Union*. New York, 1959. P. 11, 102.
15. Swianiewicz S. *Forced Labour and Economic Development: an Enquiry into Experience of Soviet Industrialization*. London, New York, 1965. P. 292.
16. Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. New York, 1968. P. 702.
17. Rosefelde S. *An Assessment of the Sources and Uses of Gulag Forced Labour 1929–56* // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. № 1. P. 51–87; Wheatcroft S. *On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929–56* // *Ibid.* № 2. P. 265–295.
18. Rosefelde S. *Excess Mortality in the Soviet Union: A Reconsideration of the Demographic Consequences of Forced Industrialization 1929–1949* // *Soviet Studies*. 1983. Vol. 35. № 3. P. 385–409.
19. Rosefelde S. *Excess Collectivization Deaths 1929–1933: New Demographic Evidence* // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43. Is. 1. P. 88.
20. Wheatcroft S. *New Demographic Evidence on Excess Collectivization Deaths: Yet Another Kluiqua from Steven Rosefelde* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 508.
21. Andersen B., Silver B. *Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR* // *Slavic Review*. 1985. Vol. 44. Is. 3. P. 517–536; Andersen B., Silver B. *Tautologies in the Study of Excess Mortality in the USSR in the 1930s* // *Ibid.* 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 307–313.
22. Conquest R. *Academe and the Soviet myth* // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
23. Conquest R. *To the Editor* // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. Is. 2. P. 295–298.
24. Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. New York, 1990. P. 486.
25. *Ibid.* P. 3.
26. Nove A. *How Many Victims in the 1930s?* // *Soviet Studies*. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369–373; Nove A. *How Many Victims in the 1930s?-II* // *Ibid.* 1990. Vol. 42. № 4. P. 811–815; Ellman M. *A Note on the Number of 1933 Famine Victims* // *Ibid.* 1991. Vol. 43. № 2. P. 375–382.
27. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993. P. 261, 275.

28. Getty A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. Is. 4. P. 1021.
29. Getty A., Rittersporn G. The Authors Reply // *American Historical Review*. 1994. Vol. 99. Is. 3. P. 1041.
30. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 6. С. 10.
31. Максудов С. Потери населения СССР. Нью-Йорк, 1989; Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // *Звенья: Исторический альманах*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 65–112.
32. Земсков В. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // *Социологические исследования*. 1995. № 3. С. 114–127.
33. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // *Социологические исследования*. 1991. № 7. С. 15.
34. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge; New York, 1993.
35. Benvenuti F. Reviews the book «Stalinist Terror. New Perspectives» // *Europe—Asia Studies* 1994. Vol. 46. Is. 3. P. 548–551.
36. Filtzer D. Review «Stalinist Terror» // *Social History*. 1994. Vol. 19. № 3. P. 421–424.
37. Conquest R. Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
38. Conquest R. Academe and the Soviet myth // *The National Interest*. 1993. Vol. 3. Is. 22.
39. Wheatcroft S. Review // *Europe—Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 7. P. 1257.
40. Rosefielde S. Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killing, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // *Europe—Asia Studies*. 1996. Vol. 46. Is. 6. P. 959–1258; Rosefielde S. Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into Scale of Killing in the USSR During 1930s // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321–331.
41. Wheatcroft S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // *Europe—Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 8. P. 1319–1354; Wheatcroft S. Victims of Stalinism and the Soviet Secret Police: The Comparability and Reliability of the Archival Data — Not the Last Word // *Europe—Asia Studies*. 1999. Vol. 51. Is. 2. P. 315–345.
42. Hough J., Fainsod M. *How the Soviet Union is Governed*. Cambridge, 1979. P. 176–177.
43. Rummel R. *Lethal Politics: Soviet Genocide and Mass Murder since 1917*. New Brunswick, 1990. P. 6.
44. Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, 1996.
45. Lauber J. C. I. S. *History: Review of New Books*. 1996. Vol. 25. Is. 1. P. 35.
46. Boterbloem K. Reviews the book «Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941» by Robert Thurston // *Canadian Journal of History* 1997. Vol. 32. Is. 2. P. 274–275.
47. Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, 1996, P. XVII–XXI.
48. *Ibid.* P. 57–58.
49. Burbank J. *Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society* // *Politics & Society*. 1991. Vol. 19. Is. 3. P. 337.
50. Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, 1996, P. 90–91, 98, 136.
51. *Ibid.* P. 232–233.
52. Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941*. New Haven, 1996, P. 105.
53. Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941*. Cambridge; New York, 1997. P. 113.
54. Conquest R. Review the book «Life and Terror in Stalin's Russia» by R. Thurston // *National Review*. 1996. Vol. 48. Is. 13. P. 45–49.
55. Fitzpatrick S. Review «Life and Terror in Stalin's Russia» by Thurston // *American Historical Review*. 1997. Vol. 102. Is. 4. P. 1193.
56. Fairbanks C. Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.

References:

1. Kip Dzh., Litvin A. Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya / Per. s angl. M.: ROSSPEN, Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2009. 328 s.
2. Kropachev S.A., Krinko E.F. Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya. M.: ROCCPEN, 2012. 350 s.
3. Men'kovskii V.I., Ul' K., Shabasova M.A. Angloyazychnaya istoriografiya sovetskoi istorii 1930-kh gg. Syktyvkar, 2012 (gotovitsya k pečati).
4. Zemskov V. N. Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskii aspekt) // Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 152–153.
5. Yakovlev A. Omut pamyati. M., 2000. S. 432.
6. Zemskov V. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 6. S. 10.
7. Maksudov S. Poteri naseleniya SSSR. N'yu-Iork, 1989; Maksudov S. Poteri naseleniya SSSR v gody kollektivizatsii // Zven'ya: Istoricheskii al'manakh. Vyp. 1. M.: Progress, 1991. S. 65–112.
8. Zemskov V. K voprosu o masshtabakh repressii v SSSR // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 3. S. 114–127.
9. Zemskov V. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 7. S. 15.

UDC 93

**English-language Historiography of “Stalin’s Terror”
(Disputes of the Second Half of the XX Century)**

Vyacheslav I. Menkovsky

Belarus State University, Belarus
Doctor of History, Professor

Abstract. The article analyses the process and the results of scholarly disputes, concerning “Stalin’s terror” of 1930s in English-language historiography of the second half of the XX century, determines methodological aspects of different approaches to the estimation of political repressions dimension in the Soviet Union. As the Soviet statistics was secured, English and American authors used a number of sources: estimations by former Soviet officers and prisoners, settled in Europe; evidences by foreigners, who visited the Soviet Union and Polish prisoners of Soviet camps; data, concerning the number of newspapers, received by the camps; the released figures, regarding some labour camps. Number of people, who had no part in the election for the Soviets was considered, as well.

In 1980s the debates, regarding the dimension of forced labour employment in Stalin-era Soviet Union, the number of victims came to English and American historiography attention again. It was related to the emergence of new estimation procedures, publication of some new demographic data in Soviet press, wider application of the models, used by other social sciences in Sovietology.

Brand new, open-ended evaluation possibilities appeared only after the Soviet and Russian secret files were partially opened up at the turn of 1980-1990s. Soviet «glasnost» enabled to introduce archive historical data, regarding Stalin-era repressive policy for scientific use. English and American historians made extensive use of Soviet and Russian publications, reassessed some stereotypes, deeply rooted in Europe. But data, related to the excessive decline of Soviet population in 1926-1939 varies in occidental scientific literature from 5 to 20 million people. Thus, it may be concluded that the scientific assessment of Soviet repressive policy is incomplete.

Keywords: historiography; Sovietology; terror; USSR; Stalin; 1930s; political repressions.